
Ю. Б. МАНТОВА

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА
В ВИЗАНТИЙСКИХ ЖИТИЯХ
СВ. НИКОНА МЕТАНОИТЕ
И СВ. ГРИГЕНТИЯ**

Статья посвящена особенностям изображения окружающего пространства в двух византийских житийных текстах: жизнеописании св. Григения (X век) и св. Никона Метаноите (XI век). В результате исследования был сделан вывод, что авторы рассматриваемых текстов представляют разное пространство, хотя это противоречит распространенному взгляду на средневековую литературу.

Ключевые слова: византийская агиография, пространство, жития святых, путешествия, Средневековье.

Византийская житийная литература, или агиография – уникальное явление в мировой культуре, предлагающее чрезвычайно интересный материал для изучения. Это не жанр, а, скорее, тип литературы, сформировавшийся в соединении иудео-христианской и классической античной традиций. Такая литература чрезвычайно неоднородна. Наряду с тем, что она реализуется в нескольких агиографических жанрах, в рамках каждого из них могут сосуществовать весьма разнородные памятники.

В последнее время внимание к агиографии заметно усилилось. Пожалуй, основное достижение современных исследований состоит в том, что сломлено восприятие ее как строго канонической и застывшей в своем однообразии словесности. Вопреки стереотипам, житийные тексты как никакие другие в средневековый период демонстрируют изменчивость, текучесть формы, динамичность в преодолении границ стилей, языков, культур, государств (Euthymiades 2006). Неудивительно, что их стали широко использовать в качестве источников по ментальной истории, истории культуры, социологии и т. д.

В настоящей статье представлено сравнительное исследование жизнеописаний св. Никона Метаноите и св. Григения, проведенное с целью выявления основных принципов изображения окружающего пространства. Интересно проследить, как именно агио-

графы описывают путешествия своих святых, какие элементы окружающего мира для них значимы, какие – нет, о каких пишут подробно, о каких – вскользь. Представляют ли они пространство, в котором живут их герои, как континуальное или как набор дискретных статичных картин? И самое главное, вопреки устоявшемуся мнению о житиях как о наборе риторических топосов, данная работа направлена на поиски индивидуального.

Рассматриваемые тексты достаточно близки и по тематике, и по времени создания. Герои обоих житий – святые средневизантийского периода, которые значительную часть жизни провели в скитаниях по необъятной территории империи и за ее пределами. Житие св. Григентия, вероятнее всего, датируется X веком, а житие св. Никона – XI веком. Св. Григентий проделывает без преувеличения гигантский путь. Из родного города Липлянес (предположительно современная Любляна, Словения) святой идет через Северную Италию, Рим, Сицилию, Александрию, Эфиопию и в итоге оказывается на Аравийском полуострове (Berger 2006). Маршрут Никона не такой экзотический, но тоже продолжительный (Sullivan 1987). Путешествуя из Фемы Армениак вдоль берега Понта, он, видимо, попадает на побережье Эгейского моря, отправляется на Крит, после чего непрестанно передвигается по территории Пелопоннеса.

Здесь важно отметить, что существование исторической подоплеки этих путешествий для моей задачи не является определяющим фактором. Св. Никон – реально существовавший персонаж, зафиксированный и в других источниках, а житие св. Григентия – легенда. Тем не менее их можно сравнивать, поскольку тексты рассматриваются как литературные произведения, где авторы воссоздают мир вокруг героев, исходя из собственных представлений.

Среди множества подходов к проблеме пространства наиболее конструктивной нам показалась концепция, предложенная Э. Соем (Soja 1989). Суть ее заключается в том, что образ пространства надо искать в плоскости пересечений трех пространств – социального, физического и ментального.

В качестве социального мы рассматриваем рукотворное пространство человеческого общения (город, улица, храм, монастырь, дорога), в качестве физического – природу в ее первозданном виде (реки, горы, лес, погода); наконец, ментальное пространство – воображаемое, рожденное сознанием пространство, в которое включается и очень важное пространство видений и снов.

В житии св. Никона можно говорить о равной степени интереса и описательности социального и физического пространства. Это именно описания в том смысле, как мы это понимаем сейчас. Автор часто использует качественные прилагательные, рассказывая о храме Спасителя, основанном Никоном в Спарте, о его строительстве и о проведенной через какое-то время после смерти Никона реставрации. Автор пишет, что храм восхищал своей красотой, блеском колонн, сиянием отполированного камня, резьбой, росписями, искусностью работы, разнообразием материалов и по изяществу соперничал с работами Фидия, Полигнота и Зевксиса (Sullivan 1987: 130). Во время ремонта были обновлены росписи, произведена очистка и покраска стен, полировка колонн. Была осуществлена реконструкция площади перед храмом – устроили ступени перед входом и возвели колонны (*Ibid.*: 188–190).

Говоря о социальном пространстве, необходимо упомянуть, что автор фиксирует и своего рода этнографические сведения. Описывая пребывание святого на Крите, агиограф представляет живые заметки о поведении людей, подробно описывает исторические обстоятельства (*Ibid.*: 82–84). Остров совсем недавно был отбит византийцами у арабов, и поскольку местные жители долго находились под их влиянием, то успели привыкнуть к сарацинским обычаям. Из-за этого реакция на обычные для Никона громогласные призывы к покаянию была далека от ожидаемой. Сначала островитяне просто испугались от неожиданности, а потом пришли в ярость, схватили святого и хотели его убить.

Очень важной особенностью при описании социального пространства является максимальная детализация: приводится огромное количество названий не только городов, но и деревень Пелопоннеса. Причем один населенный пункт может иметь несколько названий (современное, древнее, локальное самоназвание), про каждого персонажа рассказывается, из какой именно деревни он родом. Кроме того, автор дает сведения о расположении этих пунктов относительно более крупных городов.

Что касается природы, то тут тоже достаточно ярких примеров. Вот как описывается река Парфенион: «Река была <...> полноводна, питалась водами, произошедшими от таяния снегов, также в нее втекали многочисленные ручьи» (*Ibid.*: 66). В принципе такие подробности не являются необходимыми для сюжета, это скорее своеобразный естественно-научный экскурс. В рассказе о прибытии на Эвбею автор не преминул выказать свою осведомленность о сменах направления течения в проливе Эврип.

В главе 57 речь идет о некой разбойничьей деревне, жители которой терроризировали грабежами и разбоем путешественников по Пелопоннесу. Стараниями Никона на них обрушилась страшная кара, и автор чрезвычайно ярко живописует картину бедствия: «Разверзлась земля... и всю эту разбойничью шайку вместе с холмом, с пашнями, домами и всем скарбом целиком поглотила <...> После этого туда ниспроверглись потоки воды, которая, в свою очередь, стала изрыгаться из земли и покрыла собой этот разлом. Вся территория превратилась в болото. Поверхность земли покрылась слоем воды и грязи, что можно наблюдать и по сей день. И только кровля Божьего храма, давным-давно поставленного в деревне во имя архистратига Михаила, виднеется над водой» (Sullivan 1987: 182).

Переходя к ментальному пространству, видениям и снам, надо сказать, что в тексте почти нет видений, которые выделялись бы особой живописностью. Тем не менее сам Никон после смерти стал частью ментального пространства населения Пелопоннеса: моряки часто видели его на судах в образе то рулевого, то простого матроса.

Что касается жития св. Григения, то текст сам по себе крайне неоднороден. Явственно проступает использование совершенно разных по характеру источников. Особенно выделяется глава 9, где повествуется о событиях в Аравии. Эти различия отражаются и на описаниях, которые мы анализируем.

От начала путешествия святого и до прибытия в Рим собственно описательных фрагментов для социального и физического пространства фиксируется меньше, чем позднее будет в Риме. Представление о том, что окружало героя, можно реконструировать из информации о его перемещениях. Автор фиксирует точки маршрута, дает ориентиры этих точек по сторонам света. Вот что, например, он пишет о Карфагене: «Прибыв к Карфагену, святой и его спутник зашли внутрь города и остановились у городских ворот. <...> На следующий день, отправившись в святую церковь помолиться, они оказались в одном городском переулке, где росло дерево *юуба*» (Berger 2006: 276). Это в принципе все, что мы узнаем о Карфагене. Нет вообще никаких сведений о том, как выглядел город, кроме упоминания о дереве. И это очень характерно для нашего автора. Он может не написать ничего вообще про тот или иной пункт, но включит какую-нибудь ботаническую подробность. Подобным образом он пишет о пути святого и его спутника из Карфагена в Рим: «По пути они попали в глубокое ущелье, называемое Патеролимна. Место это было пустынное и дикое, и там,

улав от дороги, они решили остановиться на ночлег. <...> Они поели хлеба и сырых трав, горчака (горького латука) и осота, а затем улеглись под грабом» (Berger 2006: 296).

В плане социального пространства на протяжении всего текста жития, кроме аравийской части, выделяются описания сцен городской жизни. Какими были эти улицы, неизвестно, но зато прекрасно представлена общественная жизнь на них. Григентий встречается с многочисленными юродивыми, провидцами всякого рода. Описывается, как на них реагировали жители. В Агригенте святой по пути в храм на улице увидел толпу, которая то замирала в напряженном молчании, то взрывалась хохотом. Оказывается, жена одного из местных жителей, свесившись со своего балкона на площадь, поносила прохожих и возвещала каждому из них о его сердечных тайнах, и вместе с именами любовников или любовниц называла место и время совершения греха (*Ibid.*: 238–240).

Наиболее интересной является часть текста, основанная на источнике по Риму. Очевидно, в нем было много достоверной информации, которую агиограф использовал в тексте жития. Св. Григентий посещает Латеранскую базилику, храмы св. Петра, св. Павла, церковь св. Цицилии, Тибурция и Валериана, церковь св. Бонифация и Аглаи. Рассказывается о том, где они располагались, как святой добирался до них. В общем, в топографическом смысле картина очень подробная, но собственно описаний, как все это выглядело, не так много. Вот, например, как автор пишет о прибытии в Рим: «Когда блаженный увидел городские здания, он изумился, поскольку нигде ранее не видел такого великолепия» (*Ibid.*: 300). О Латеранской базилике тоже сказано не очень много: «Святой направился в церковь Спасителя в районе Константианэ, которая была первой построена в Риме. Находится же она рядом с патриархией, видом в высшей степени прекрасна, необычным образом украшена мрамором и мозаиками» (*Ibid.*: 316). Очень интересно описание того, как святой посещает пещеру старца Артада на горе Соракте в окрестностях Рима. Сначала Григентий встречается с отшельником Михаилом, который посылает его к старцу Артаду и дает очень подробную инструкцию, как идти. Потом не менее подробно автор рассказывает, как святой ее использовал на реальной местности. Называются контрольные пункты, где надо было остановиться и посмотреть вокруг, зафиксировать то, что видишь, потом в заданном направлении пройти указанное расстояние (*Ibid.*: 332–324). В итоге мы получаем, с одной стороны, замечательную картину самой горы, и с другой – представление, как люди ориентировались на местности.

В аравийской части описаний практически нет вообще. Все пространство сублимировано в педантичное перечисление храмов и городов, где были основаны христианские церкви. Подробный список занимает полстраницы. Очевидно, что перечисление данного христианизированного пространства очень важно для автора, он тщательно переписал представленные сведения из имевшегося источника. Вспоминаются мозаичные карты в Мадабе, описанные в статье Л. Брубэйкер, где она констатирует, что к VIII веку на этих картах любой город или населенный пункт стал обозначаться исключительно в виде храма или монастыря (Brubaker 2002).

Таким образом, физическое и социальное пространства распределены по тексту неоднородно и сосредоточены в основном в главах о Риме. Что касается огромного количества видений и снов, то почти все они – живописные, цветные, очень детализированные. Приведем два примера.

Первый – видение дьявола: «В ясном сиянии луны перед ним [святым] возник черный столб, покрытый слоем сажки, как сам дьявол. Видом же своим он походил на букву “йота”, как мы ее пишем, а над ней два глаза, как точки» (Berger 2006: 296).

Второй пример – видение в горах недалеко от Рима: «С южной стороны во внутренней части горного хребта он [святой] увидел огненный столп, простиравшийся от земли до неба. <...> Когда он подошел ближе, то смог получше рассмотреть этот божественный луч божественного пламени. <...> Святой был потрясен, так как это не были ни языки пламени, ни луч солнца, ни радуга, которая часто поднимается над облаками и светится, будто некая пирамида. Это сияние обладало яркостью белого и красного, умноженной в десять тысяч раз, были там также и другие прекрасные оттенки, свойственные огню, и все они перетекали один в другой, вспыхивая, искрясь и сияя» (*Ibid.*: 334).

Авторы обоих текстов описывают продолжительность самого пути, связанные с ним тяготы, какие-то климатические и природные условия. Однако житие Никона является более ярким, сам физический процесс движения в нем запечатлен отчетливее. Тем не менее именно для жития Григения передвижение героя в пространстве есть основа всего сюжета. Все, что с ним происходит, все персонажи жития – это лишь составные части его пути. Маршрут его настолько важен, что он даже становится определенным кодом для распознавания истинной провидческой силы тех людей, с которыми сталкивается на дороге. Несколько раз провидцы и юродивые, встречая Григения, первым делом перечисляют ему предыдущие пункты его странствий, и тогда он сразу понимает, с кем

имеет дело. К тому же больше половины текста главный герой не знает, куда он идет и зачем. Агиограф лишь постепенно приоткрывает ему и нам эту тайну, что, несомненно, создает интригу.

Таким образом, пространство в двух житиях действительно представлено по-разному. Авторы демонстрируют различную степень внимания к рассмотренным проекциям пространства. В житии св. Григения гораздо ярче выступает ментальное пространство как вмещилище всевозможных воображаемых существ и явлений, на которые направлена вся сила авторского таланта, его описаниям свойственны красочность и мельчайшая детализация. Св. Никон во время своих скитаний тоже встречает и демонов, и ангелов, и совершает чудеса, связанные с пространством (переправа через бурную горную реку, мгновенное преодоление значительных расстояний), но очевидно, что его агиограф больше сконцентрирован на реальности, ему интереснее «естественно-научная» сторона бытия. Он гораздо более «рационален», чем автор жития св. Григения.

Автор одного из самых внушительных исследований по агиографии Т. Пратш (Pratsch 2005) утверждает, что любое житие – это набор из топосов, которые используются как готовые кирпичики для строительства текста. Действительно, в огромной степени оба жития сложены из шаблонов, в них соблюдены все риторические и сюжетные формальности жанра. Тем не менее, взгляды в повествования более внимательно, мы все-таки можем рассмотреть личности авторов.

Литература

Berger, A. (ed.). 2006. *Life and Works of Saint Gregentios, Archbishop of Taphar*. New York; Berlin: De Greuters.

Brubaker, L. 2002. The Conquest of Space. Travel in the Byzantine World. *Papers from the Thirty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2002* / Ed. by R. Macrides. Aldershot: Ashgate, pp. 235–257.

Euthymiades, S. 2006. New Developments in Byzantine Hagiography: The Rediscovery of Byzantine Hagiography. *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies: London, 21–26 June 2006* / Ed. by E. Jeffreys. Aldershot: Ashgate. Vol. 1, pp. 157–171.

Pratsch, T. 2005. *Der Hagiographische Topos*. Berlin: De Gruyter.

Soja, E. W. 1989. *Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London; New-York: Verso.

Sullivan, D. F. (ed.). 1987. *The Life of Saint Nikon*. Brookline, Mass.: Hellenic College Press.